

Эффект обманутого ожидания в произведениях Льва Толстого (на материале текстов «Хозяин и работник» и «Отец Сергей»)

Научный руководитель – Максимова Екатерина Сергеевна

Полищук Ольга Сергеевна

Студент (бакалавр)

Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Кафедра отечественной литературы, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: opolishchuk@sfedu.ru

Позднее творчество Льва Толстого связано с поисками смысла жизни. Во многих рассказах этого периода возникает мотив ложного пути, который сначала кажется герою истинным. Мы рассмотрим тексты Толстого, в которых этот мотив реализуется через прием обманутого ожидания.

Одна из тактик Толстого – непосредственное вовлечение реципиента в контекст произведения, то есть максимальное приближение точки зрения героя к читательской. Писатель стремится вовлечь читателя в диалог, подтолкнуть его к размышлениям, провести дорогой героя – от незнания, обмана и заблуждений – к истине.

И в «Хозяине и работнике», и в «Отце Сергии» обман читательских ожиданий присутствует уже в названии. В первом произведении название находит новое объяснение ближе к финалу текста – в размышлениях Никиты о Боге как о Хозяине. Кроме того, в какой-то момент Василий Андреич (хозяин) и его работник Никита меняются «ролями». То, что казалось невозможным в начале рассказа – спасение Никиты и смерть Брехунова, который пожертвовал собой, обретает обоснование не только на сюжетном уровне, но и на уровне онтологическом.

Смена парадигмы «святого человека» в «Отце Сергии» связана с изменением представления о священнике как носителе божественной истины. Оказывается, что служение людям может привести человека к гордыне и тщеславию из-за ощущения собственной исключительности. И напротив, мирская жизнь среди народа может приблизить к благодати.

Ориентация реципиента на литературную традицию житийных канонов в «Отце Сергии» сталкивается с «пробуждением ожиданий» (термин Г.Р. Яусса). Название произведения настраивает читателя на то, что сюжет повести будет выстроен вокруг святого и его благих дел. Однако путь Касатского оказывается не линейным, даже имя героя меняется на протяжении всего текста. Сначала это Стива – представитель светского общества, потом отец Сергей – затворник и праведник, затем снова Стива – грешник, утративший веру, и, наконец, странник – раб Божий. То есть привычная схема жития разрушается и преобразуется, показывая, что духовный путь человека – это не постоянный подъем вверх, а дорога, полная резких поворотов, сомнений и соблазнов.

В «Хозяине и работнике» происходит обман «обывательских» ожиданий, выявляется эмблематическая логика, при которой спасение души оказывается важнее спасения тела. Понятие эмблематического реализма в контексте творчества Толстого ввел Р. Густафсон, трактуя данное явление как «расширенную реальность, которая сама воплощает и открывает нравственную и духовную истину как персонажам, так и читателям» [Густафсон: 2003: 211]. В тексте Толстого переосмысливается типический сюжет, в ходе которого человек сталкивается со стихией и «спасается» (в прямом, бытовом смысле слова). Брехунов не

просто смиряется со своей участью и погружается в размышления, а переосмысливает свои жизненные ориентиры и меняется, доказывая это своими действиями.

Проявляется эмблематический реализм и в «Отце Сергии». Канонический символизм белого цвета «развенчивается» и приобретает значение не святости, а порочности. Все героини, которых встречает Касатский на пути духовных поисков (за исключением Пашеньки), связаны именно с этим цветом. Сходным образом в «Хозяине и работнике» с эмблематической точки зрения переосмысливаются образы белой рубахи и чернобыльщика.

Новое звучание приобретает в «Отце Сергии» жест чудотворящей руки. Исцеление страждущих приносит герою не божественный покой и чувство святости, а зарождает в нем тщеславие. Он чувствовал, как «уничтожалась его внутренняя жизнь и заменялась внешней» [Толстой 1974: 326].

Встреча с Маковкиной, которая, на первый взгляд, кажется нравственной победой героя над его плотским желанием, становится ложной кульминацией. Конфликт в душе героя между пороком и смирением на самом деле еще не разрешен. Это станет возможно только после нравственного падения Касатского. Именно эта катастрофа впоследствии проводит героя на путь божественного спасения.

Ономастика «Хозяина и работника» также связана с обманом читательских ожиданий. На первый взгляд, фамилия Брехунова является производным от простонародного слова «брехать», то есть лгать, говорить пустое. Это же подтверждают и действия героя. Однако эмблематический смысл рассказа подсказывает иную трактовку. Исполняя обязанности церковного старосты, герой обманывал не столько окружающих, сколько самого себя, ведь на тот момент он не имел истинной веры. Показательна фраза Брехунова, которая начинается как признание того, что из-за метели нужно остаться в деревне, однако завершая высказывание, герой приходит к противоположному выводу: «Ну, уж погодка, [...] пожалуй, и не доедешь, да нельзя, дела!.. Доедем, бог даст!» [Толстой 1974: 279].

В «Отце Сергии» читателю предложена точка зрения, согласно которой Касатский пошел в монахи из-за презрения к тому, что раньше считал важным. Другая же причина – религиозное чувство. Здесь в тексте Толстого следует важное уточнение: «как думала сестра его Варенька» [Толстой 1974: 309]. Это прямое указание на субъективность восприятия поступка героя третьим лицом, которому в момент погружения в текст склонен верить читатель. Предположение героини окажется неверным, а ожидание героя найти покой в монастырской жизни – обманутым.

Таким образом, для Касатского возможность избавиться от тщеславия и обрести смирение обнаруживается далеко за пределами монастыря, а истинное спасение для Брехунова – вовсе не Гришкино и не Горячкинская роща, а подлинное освобождение души.

Источники и литература

- 1) Толстой Л.Н. Повести и рассказы: В 2 т. М., 1974. Т.2.
- 2) Густафсон Р.Ф. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого, СПб., 2003.